

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ТРУБИНСКИЙ – УЧЁНЫЙ И ПЕДАГОГ

<Небольшое вступление>

В.И. запомнился и мне, и моим однокурсникам прежде всего как Профессор (с большой буквы), как удивительный человек и как уникальная языковая личность. Поэтому разрешите начать с обращения к одному примеру из научной речи В.И. Рассмотрим маленький фрагмент из «Очерков русского диалектного синтаксиса» (с. 168), в котором проявляются особенности научного изложения В.И., в котором, как мне кажется, хорошо слышен его голос, интонации.

В.И. как в лекциях, так и в научных работах ведет диалог с читателем, привлекает внимание к рассматриваемым проблемам. Это не сухой научный текст, а живая беседа, размышление о необычайно интересных для автора (а потому и для читателя) сложных вопросах диалектного синтаксиса.

Так, говоря о происхождении разговорного предиката, В.И. ставит вопрос:

«Но была ли древняя форма, развившая позднее современное диалектное деепричастие-сказуемое (полнозначное сказуемое, разговорный перфект), аппозицией, второстепенным сказуемым?»

Сейчас говорят, что вопросительные предложения для письменной формы научного стиля нехарактерны, но для В.И. научный текст не безличен, в нем всегда присутствует автор, показан ход его мыслей, сомнения – и в этом тоже можно увидеть следование традициям первой половины XX века (вспомним, как часто в своих работах вопросы ставил Б.А.Ларин).

Вопрос поставлен, читатель заинтригован (сомнение в вопросе – частица *ли*). И тут же дается ответ: *«Вряд ли это так»*. Никакой жесткой модальности, размышление продолжается.

Далее в тексте следует аргументация автора, но тоже в виде предположения: *«Последнее малопримлемо для разговорной речи <...>»*. Появляется

ключевое понятие – *разговорная речь*. И в скобках – интонационно выделенный комментарий, методологически очень важный для В.И.: «<...> (*а ведь диалектная речь – это речь прежде всего разговорная, „наиболее разговорная“*) <...>». Рассмотрение разговорной речи со всеми особенностями, противопоставляющими ее речи письменной, – тоже идея ларинской школы: эта проблема встает на разных уровнях – и диалектная речь, и речь города, и в историческом плане – разговорно-обиходный язык Московской Руси.

Дальнейшая аргументация опирается на еще один важный принцип – пристальное рассмотрение семантического плана:

«Последнее малопринемлемо для разговорной речи <...> ибо предполагает использование сложной или по крайней мере осложненной конструкции, причем такой, в которой оба сказуемых, различаясь по форме, дифференцируются и по значению».

И вновь следует комментарий в скобках, раскрывающий последний тезис – «(*известно, что в древнерусском языке второстепенное сказуемое выражало действие менее существенное, чем то, которое обозначалось главным сказуемым*)» - со ссылкой на классическую работу Евгении Самсоновны Истриной, посвященной синтаксическим явлениям Синодального списка I Новгородской летописи (Пг., 1923). Таких исторических комментариев в книге довольно много: с одной стороны, это пояснение вроде бы известного, но с другой – это не формальная отсылка, она в очередной раз подчеркивает приверженность школе и традициям.

В самом построении мысли В.И. – отражение подхода к научному исследованию, свойственному ларинской школе. Д.С.Лихачев писал: «Б.А.Ларин не был ни догматиком, ни традиционалистом. Его острый критический анализ направлялся на то, чтобы приводить в движение научную пылкость, а не останавливать ее самоуверенными и исключаящими дальнейшие разыскания ответами». По этому пути следует и В.И.Трубинский.

Как видим, в этом небольшом фрагменте – всего лишь в нескольких строках текстах – объединились наиболее важные для В.И. понятия (хотя, конечно, не все), то, чему он посвятил множество работ. Эти темы, идеи – один из ярких примеров развития направлений, предложенных Б.А.Лариным.

В.И. удивительным образом в своих работах представил синтаксис в четырех измерениях:

- это и «горизонтальный» срез (целый ряд работ посвящен лингвогеографическим приметам внутрисистемных различий, характеристике синтаксических изоглосс, наконец, становлению региолектов),

- и «вертикальный» срез (В.И. обращался как к проблемам диалектной речи, так и устно-разговорной, рассматривал полудиалекты, синтаксис литературного языка).

Соотношение этих двух уровней представлено в монографии В.И. «Очерки русского диалектного синтаксиса», к которой мы уже обращались сегодня.

Третье измерение – это накладывающаяся на первые две оси *семантика*. Синтаксическая и грамматическая семантика стала объектом рассмотрения В.И. уже в первой работе – в лекции 1958 года «К вопросу о русском северо-западном перфекте (из диалектологических наблюдений)», в которой В.И. показал систему северо-западного перфекта, описанную через семантику глаголов и их функциональную определенность.

Наконец, четвертое – временное – измерение. Как мы уже видели, исторический подтекст часто присутствовал в работах в виде поиска исторической основы, рассмотрения синтаксиса в динамике. И этот аспект также был важной чертой идей Б.А.Ларина, в работе которого «Об одной славяно-балтофинской изоглоссе» (1963), как мы помним, была выдвинута гипотеза о едином источнике именительного прямого дополнения. Исследование балтославянских контактов и параллелей в синтаксисе стало также одной из тем изучения В.И.

Стоит отметить необычайную увлеченность исследованием диалектов, работе с носителями диалектов, преданность лексикографической работе по составлению ПОС, у истоков которого в числе учеников Б.А.Ларина стоял и В.И. Изучение живого диалектного материала было делом всей жизни В.И., а о ПОСе на лекциях он всегда говорил с особой гордостью.

Вопросы грамматики как диалектной, так и литературной речи находились в центре внимания В.И. Этой проблеме были посвящены спецкурсы, доклады и статьи. О грамматике в словаре В.И. говорил и на Ларинских чтениях (1992 и 2000). Иногда В.И. критиковал словари современного языка, которые забывают указать важные грамматические особенности слов.

Наконец, необходимо вспомнить и о блестящем таланте В.И. – лектора. Он умел «заразить» студентов интересом к рассматриваемой проблеме. То, что сегодня прочитывается в печатных работах, в еще большей степени звучало в его лекциях. Так, в курсе диалектологии В.И. пытался научить нас не просто слышать и анализировать диалектную речь, но и показать ее богатство, часто задавал провокационные вопросы (уже на первой лекции поставил всех в тупик примерами аканья и оканья). Хоть теоретический материал и не был скучен, В.И. постоянно приводил примеры «из речи бабушек». И это было всегда настолько живо, интересно! В.И. умел передать интонацию говора, его очарование. Именно диалектный текст и был той основой, на которую накладывалась теория.

И поэтому закономерным стало появление в 2004 году уникального учебника «Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем», центральным героем которого стала 80-летняя носитель местного говора из гдовского района Псковской области – Марфа Петровна Сидорова (1876-1959) и записи ее речи, сделанные участниками экспедиций из ЛГУ в 1950-х годах. В этом учебнике, как мне кажется, вместе с диалектной речью бабушки Марфы звучит и голос В.И.Трубинского как замечательного ученого и педагога.